

Притихшая, я тут же представила себе сундук, который все время вращается вокруг земли, как ковер-самолет из сказок «Тысяча и одна ночь». Этот волшебный образ сразу возникнет вновь, когда я буду искать название для этой книги.

Как и все дети, я любила время полдника. Но на вилле «Коррентенна» у него был совершенно новый вкус: тетя Алекс приносила холодную простоквашу, которую мы с удовольствием ели с сахаром и корицей! Гладкий, отливающий синевой кусок разламывался ложкой и медленно таял на языке. Вот еще один русский вкус, который я для себя открыла!

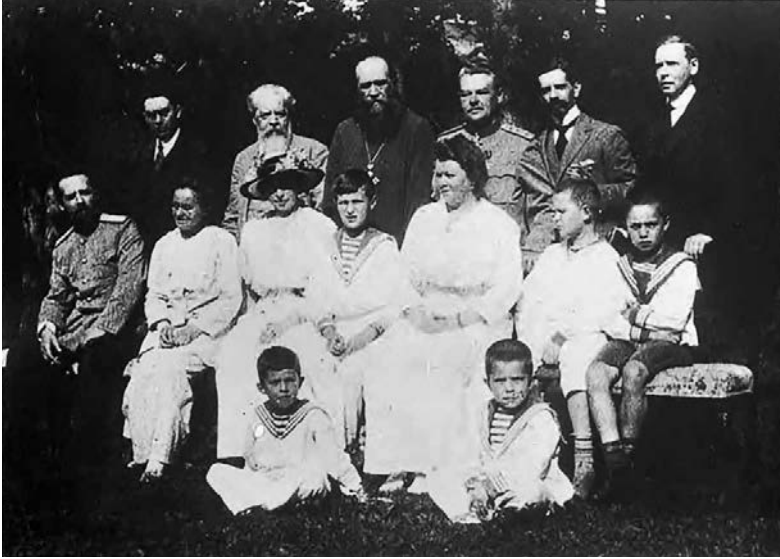
Снег шел не переставая, и весь сад стал белого цвета. Тетя Алекс вернулась к своему вязанью и помолчала, прежде чем начать рассказывать мне историю.

Россия была раньше большой империей, которой управлял царь. Царь – это русское название для императора³¹. Правящего царя звали Николай II, царицу Александра Федоровна, и у них было три дочери: Ольга, Татьяна и Мария.

Мне должно было исполниться семнадцать лет, когда директриса института сообщила нам о предстоящем визите царицы, которая искала няню для своих старших дочерей – Ольги и Татьяны – и надеялась найти ее среди воспитанниц Смольного. В институте сразу же все заволновались. Были изменены программы уроков, с тем чтобы подготовиться к этому особому событию. Такой визит был честью для Смольного института, поэтому все должно было быть точно предусмотрено.

Наступил этот особый день. Когда показалась императорская карета, мы выстроились в почетный ряд и хором приветствовали: «Боже, храни нашу императрицу!» Молодая элегантная дама, одетая в черное платье, вышла из кареты и прошла между нашими рядами. Улыбаясь, она приветствовала нас грациозным жестом руки. Все мы стояли, онемев от изумления. На имеющихся у нас фотографиях императрица всегда была в парадном одеянии, с короной на голове и с надменным видом. Видеть ее такой простой и любезной было для нас большой неожиданностью.

³¹ Титул царя для главы Русского государства был введен в XVI в. В 1547 г. государь всея Руси и великий князь московский Иван IV Грозный был коронован царем. Титул императора был принят в России в 1721 г. После победы в Северной войне Сенат и Синод преподнесли этот титул Петру I.

Ближайшее окружение императорской семьи, 1916 г.
(архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета)

Стоят (слева направо): лакей Ф. А. Журавский, камердинер Т. И. Чемодуров,
духовник царской семьи протоиерей Александр Васильев,
учитель русского языка П. В. Петров,
учитель французского языка Пьер Жильяр,
учитель английского языка Чарльз Гиббс

Сидят (слева направо): лейб-хирург В. Н. Деревенко,
помощница няни Е. Н. Эрсберг,
няня цесаревича А. А. Теглева, цесаревич Алексей,
камер-юнгфера М. Г. Тутельберг, Николай (сын доктора В. Н. Деревенко),
Алексей (старший сын матроса А. Е. Деревенько)

Сидят на траве: Александр и Сергей
(младший и средний сыновья матроса А. Е. Деревенько)

Ты не можешь себе представить, что я почувствовала в тот момент по отношению к императрице. Я не понимала, что происходит внутри меня, но что-то очень сильное притягивало меня к этой женщине. Это было похоже на любовь с первого взгляда...

Нас провели в большой зал, где должна была проходить церемония. Услышав свое имя, каждая из нас должна была выйти из шеренги, подойти к императрице, сделать реверанс, сказать заранее подготовленный комплимент и ответить на ее возможные вопросы. Все шло, как и предполагалось, до тех пор пока очередь не дошла до меня. Когда назвали мое имя, меня охватило неожиданное смущение, которое приковало меня на несколько секунд к месту, где я стояла. Услышав, что директриса снова повторила мое имя, я должна была приложить огромное усилие, чтобы сдвинуться с места, и тут, вместо того чтобы сделать реверанс, я упала на колени к ногам императрицы и зарыдала! Директриса хотела вмешаться, но царица остановила ее жестом руки и начала нежно гладить мои волосы. Если бы ты знала, как мне было хорошо в эти секунды... Пока я не осознала нелепость моей ситуации. От стыда я тут же покраснела, быстро встала и, не попросив прощения, не сделав реверанса, выбежала из зала.

Голос тети Алекс задрожал от волнения. Замолчав на мгновение, она посмотрела на свои неподвижные руки с вязаньем, лежащие на коленях.

Когда Ольга пришла в нашу комнату, я все еще плакала и даже кричала. Я не понимала, как такое произошло. Я не хотела этого! Я хотела понравиться императрице, чтобы она выбрала меня, а теперь я потеряла все шансы. Непростительнее всего было то, что я не проявила к ней должного уважения. Ольга была потрясена и не знала, что сказать.

К нашему большому удивлению, директриса не стала меня упрекать и не наказала. Все вернулось на свои места, как будто ничего и не произошло. Почему? Я думаю, что только распоряжение императрицы могло объяснить происходящее.

Самым тяжелым было терпеть взгляды и насмешливые комментарии наших одноклассниц. Это продолжалось до тех пор, пока не наступили летние каникулы. В поезде, который вез нас домой, я думала о том, какой будет реакция родителей. На вокзале я была очень удивлена, увидев маму. Она сказала мне: «Ничего страшного, ты действовала так,

как тебе подсказывало сердце». Отец молча смотрел на меня. Лошади повезли нас домой, и я с удовольствием подставила лицо ветру. Как же хорошо было вновь оказаться в родном доме, где ничего не изменилось с самого детства.

Мы услышали, что вернулся дядя Пьер. Он открыл дверь столовой и зажег свет: «Что вы делаете в полумраке?» Мы даже не заметили, что наступил вечер. Продолжение истории будет завтра! Только бы снег не перестал идти!

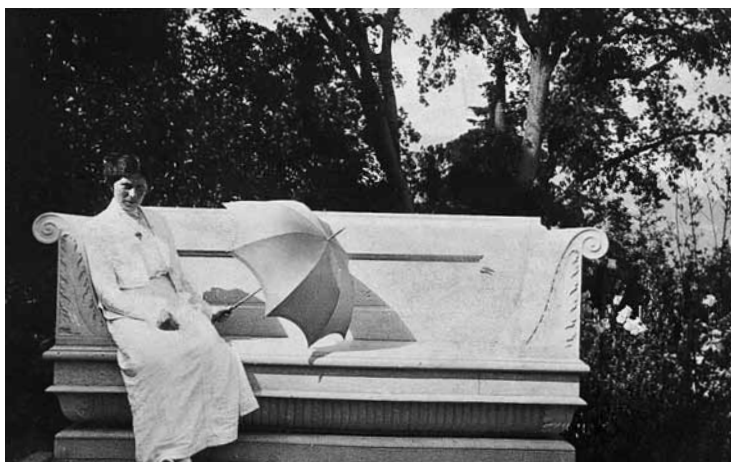
На следующий день, когда дядя Пьер, закрыв дверь в гостиную, устроился за своим письменным столом, чтобы подготовиться к учебным занятиям, которые должны были начаться после каникул, тетя Алекс продолжила свою историю.

В августе от директрисы пришло письмо. Она сообщала моим родителям, что императрица выбрала меня в качестве комнатной девушки для дочерей: пятилетней Ольги и трехлетней Татьяны. Царица уточняла, что речь идет об ответственной должности. У меня было ощущение, что она выбрала меня только потому, что я не стала играть роль, которая предназначалась каждой воспитаннице Смольного, и впервые я испытала гордость за произошедшее.

Всю семью охватило сильное волнение. Для меня нужно было заказать новую одежду и шляпки. Во время примерок я не узнавала себя в зеркале! Я была одновременно и восхищена, и встревожена, мне было и радостно, и грустно. Я расставалась со своим детским гнездышком, с моей дорогой Ольгой, с семьей и с институтом ради жизни, о которой ничего не знала.

Перед отъездом я обошла дом, попрощалась с каждым, а затем отправилась в лес, в котором когда-то видела волка. Было то же время года – начало золотой осени, солнце медленно заходило за горизонт, поднимался легкий ветерок. Дрожа от холода, я вернулась и выпила чашку горячего чая.

Когда настал час отъезда, в экипаж садились уже не дети, а почти взрослые молодые люди. Ольга должна была остаться в институте, чтобы окончить обучение, а я вернулась туда всего на несколько дней. Как и каждый год, директриса собрала после каникул всех учениц и сообщила, к всеобщему удивлению, о выборе императрицы, тепло поздравив меня.

Александра Теглева в Ливадии
(архив Пьера Жильяра,
библиотека Лозаннского университета)

В начале октября карета с гербом императрицы остановилась около института. Все ученицы были на уроках, кроме Ольги, которую я нежно обняла. Сделав реверанс директорисе, я с трепещущим сердцем села в экипаж, который повез меня в новую неизвестную жизнь. Как только я села в императорскую карету, я стала думать о своей семье, о том, что Ольга будет скучать. Я абсолютно не знала, что со мной будет. Мысли витали у меня в голове до тех пор, пока лошади, прибыв в Петергоф, не замедлили шаг. Как только я увидела Александрию³², мое сердце забилося сильнее. Мои щеки стали гореть, когда я вспомнила о том, как вела себя во время встречи воспитанниц с императрицей. При мысли, что это может снова повториться, меня охватила паника. Тогда-то я и вспомнила уроки хороших манер в Смольном: расправить плечи, поднять голову, смотреть на уровне глаз... И чудесным образом я почувствовала, что готова к встрече. Именно в таком виде я предстала перед фрейлиной императрицы, которая встречала меня.

Царица приняла меня в очень простой небольшой комнате, я любезно поклонилась и поцеловала руку, которую она мне протянула. Я была очень взволнована ее взглядом, полным очарования и доброжелательности, который так меня поразил во время ее приезда в институт. В нескольких словах императрица объяснила, чего она ждет от меня: быть в полном ее распоряжении и постоянно находиться около детей. Я должна была сопровождать их везде: и во дворце, и за его пределами, принимать участие в их играх и развлечениях. Я поняла, что моя должность была совсем не официальной, скорее, это была роль старшей сестры – ответственной, внимательной и ласковой. Поскольку в своей семье я была младшей, я была очень рада исполнять отведенную мне роль. Когда две девочки вошли в гостиную и прижались к матери, я была очарована и почувствовала, что мое место здесь.

Когда Александра поступила на службу при дворе царя Николая II, то мало кто из его окружения знал, кто она и какую должность занимает.

³² Речь идет о двorcово-парковом комплексе Александрия, который находится в Петергофе. Когда семья Николая II приезжала в Петергоф, то она часто останавливалась там во дворце, который назывался Нижней дачей.

При дворе у детей с самого раннего возраста была няня, а позднее гувернантка. Я знала, что не была ни той, ни другой. В 1901 году я была еще несовершеннолетней и не стремилась узнать, каков же мой статус. Я лишь хотела окупиться в то, что было для меня удивительным приключением. Мне хватало того, что я находилась там со старшими детьми, Ольгой и Татьяной. Марии было еще только два года, она всегда была в детской комнате. Анастасия была еще меньше, а Алексей еще не родился. Я очень быстро привязалась к малышам и чувствовала, что это было взаимно.

С самых первых встреч Александра была поражена простотой и даже строгостью воспитания девочек, которые спали в одной комнате на походных кроватях. Она также узнала, что императрица хотела, чтобы у ее детей была настоящая семейная жизнь. Александра завтракала вместе с детьми, но каждый раз, когда появлялась возможность, они ели с матерью и отцом, если он был свободен.

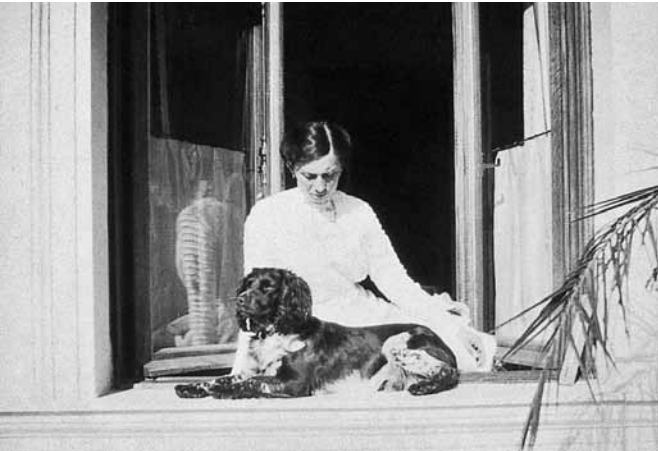
Это были единственные моменты, когда Александры не было с девочками. Она незаметно для окружающих участвовала во всех событиях жизни императорской семьи, следовала за ней повсюду, если девочек брали с собой. Очень быстро она познакомилась со всеми императорскими резиденциями от Москвы до Санкт-Петербурга, ездила в Крым, плавала на знаменитой императорской яхте «Штандарт». Но любимой резиденцией императорской семьи оставался Александровский дворец, который был окружен очень красивым парком.

Перед каждой поездкой Александре нужно было собирать багаж и думать о гардеробе, который должен был соответствовать ее обязанностям, погоде и т. д. Дорожный сундук с чердака ее отчего дома был больше не нужен, она заказала сундук, похожий на сундуки девочек, который стал всюду ее сопровождать. Он-то и вызвал мое любопытство.

Шли годы, Александра отметила свое двадцатилетие. Ольга и Татьяна теперь посвящали много времени урокам. И Александра стала отвечать за Марию, а затем и за Анастасию, веселый и шаловливый характер которой очаровал ее. Она все время была рядом с ними, то выходила с младшими, пока старшие занимались, то прогуливалась со старшими, когда их

Александра Теглева и цесаревич Алексей
(архив Пьера Жильяра,
библиотека Лозаннского университета)

Александра Теглева с собакой цесаревича
(архив Пьера Жильяра,
библиотека Лозаннского университета)

Великие княжны (слева направо):
Мария, Анастасия, Татьяна (сидит), Ольга
(архив Пьера Жильяра, библиотека
Лозаннского университета)

занятия заканчивались, и очень часто оказывалась вместе со всеми четверьяма. Она слушала их рассказы или сама рассказывала им разные истории, вышивала и вязала, играла с младшими девочками.

Девочки для развлечения давали прозвища тем, кто их окружал. Они придумали аббревиатуру ОТМА – первые буквы их имен. Это было что-то вроде пароля, который они создали на случай, когда им нужно было принять общее важное решение. Так, они однажды единогласно решили, что Александру будут называть Шурой, а Жильяра – Жили. Еще на таких собраниях они придумывали, какие подарки будут дарить на дни рождения и на праздники.

У великих княжон было очень мало контактов с внешним миром. Их единственными товарищами по играм были двоюродные братья и сестры, которые приезжали к ним на каникулы. Шура же составляла им компанию каждый день. Год за годом она узнавала их секреты, их радости и горести. Так между ними возникла очень сердечная дружба. Об этом свидетельствуют почтовые открытки одиннадцатилетней Татьяны и пятнадцатилетней Ольги. Прочитав эти почтовые открытки, я узнала, что Александра иногда ездила в имение Горка к своей маме, у которой были проблемы со здоровьем.

Петергоф, 30 июля 1908 г.

Дорогая Шура,

Посылаю Вам две карточки, которые я снимала на «Штандарте». Вчера рано утром Папа уехал в Красное³³ на моторе. Мама и Алексей днем поехали туда и там остались ночевать. А мы на другое утро четверо поехали в 9 часов утра на моторе с С. И.³⁴ тоже в Красное. <...>

Как Ваше здоровье? Надеюсь, Вашей матери лучше. Поклонитесь Папе и Наде. Кончаю писать и иду утром купаться.

Целую крепко,

Любящая Вас Татьяна.

³³ Красное Село – пригород Санкт-Петербурга, где находился военно-учебный лагерь. Здесь со времен Екатерины II летом постоянно проводились военные учения и маневры.

³⁴ С. И. – Софья Ивановна Тютчева (1870–1957) – фрейлина императорского двора, которая с 1907 по 1911 гг. была воспитательницей великих княжон.

Царское Село, 23 ноября 1910 г.

Милая Шура,

Очень Вас благодарю за открытку. Мари и я тоже делаем гимнастику, и я это очень люблю. У меня сейчас был французский урок. Когда Вы приезжаете? Как Ваша мама?

Кланяюсь Вам и обнимаю Вас,

Ваша Ольга.

День Пасхи – самый важный праздник в православной религии. После прекрасной службы мы говорили друг другу традиционные слова «Христос Воскресе!», а затем обменивались поцелуями и подарками.

По случаю одного такого праздника малышки вручили мне маленький сверток, и пока я его разворачивала, они смотрели на меня сверкающими глазами. В свертке оказалась подвеска в форме яйца с золотой чеканкой, в которую был вставлен портрет императрицы. «Каждая из нас по очереди носила его в течение недели, прежде чем подарить Вам!» Я сердечно поблагодарила их, тронутая таким подарком, а затем посмотрела на императрицу. В ее ласковой улыбке я прочитала одобрение и почувствовала, что оправдала ее ожидания, завоевав доверие и любовь девочек. Я не могла и пожелать лучшего знака признательности за свою работу.

Для меня эти девочки были такими же, как все дети. Они придирались друг к другу, обожали друг друга, подшучивали, смеялись друг над другом, и поскольку я всегда была с ними, между нами не могло быть секретов. Однажды утром, когда я закончила приводить себя в порядок, ко мне в комнату вбежали Ольга и Татьяна. На них были надеты лишь панталоны и блузки, щеки их горели, и они давились от смеха, который мешал им говорить. Затем Ольга объяснила, что, когда они одевались, Татьяна выхватила у нее юбку. Разозлившись, она побежала за сестрой, которая ничего лучше не придумала, как спрятаться в комнате для занятий. В тот момент там находился Жили, который готовился к уроку французского... Я в ужасе посмотрела на них: «И вы были там в таком виде?» – «Да... Жили покраснел, быстро встал и вышел из комнаты!»

Признаюсь, что я не смогла сдержаться и засмеялась вместе с ними. Время от времени я пересекалась с Пьером Жильяром. Мы любезно приветствовали друг друга, но его строгий и суровый вид смущал меня. А подобная ситуация могла меня только рассмешить.

Почтовая открытка великой княжны Ольги Николаевны от 23 ноября 1910 г.
(архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета)

Цесаревич Алексей с детьми матроса Деревенько,
на заднем плане – Александра Теглева
накрывает на стол
*(архив Пьера Жильяра,
библиотека Лозаннского университета)*

Письмо великой княжны
Татьяны Николаевны
от 1 августа 1914 г.
(архив Пьера Жильяра,
библиотека Лозаннского
университета)

Giljard BE 4/5

15 1916

ПЕТЕРГОФЪ.

1914. 1го августа.
а.о.т

Милая Шура,

Простите мне, что
я открыла письмо Ваше
от жены П. А. Воронова.
Она с Вашим письмом
прислала мне назад
альбом. Вот он Вам.
Воскресенье 3-го вечером
переезжаем в Москву
на несколько дней.
Простите за собачий
почерк, но пишу гусиным
пером.

простила Воронова.
Кроме Вас целую.
До свидания с матерью.
Милая

Татьяна Романова

Петергоф, 1914, 1 августа

Милая Шура,
Простите меня, что я открыла письмо Ваше от жены
П. А. Воронова. Она с Вашим письмом прислала мне назад
альбом. Вот он Вам. Воскресенье 3-го вечером переезжаем
в Москву на несколько дней. Простите за собачий почерк,
но пишу гусиным пером. До свидания. Крепко Вас целую.
Поклонитесь матери.

Ваша Татьяна Романова.

Мне нравилась веселость детей, и я разделяла ее с ними. Незадолго до Рождества Ольга и Татьяна попросили у матери разрешения отправиться самим за покупками. После некоторого колебания императрица разрешила, но с условием, что их буду сопровождать я и телохранитель. Приехав в магазин, девочки, взволнованные и опьяненные совершенно новой для них свободой, затеяли спрятаться от телохранителя. Я всеми силами пыталась их отговорить, но они воспользовались каким-то моментом его невнимательности, чтобы увести меня к отделу женского нижнего белья, и заставили спрятаться вместе с ними. Несчастный телохранитель тревожно оглядывался вокруг, теряя голову, что очень забавляло девочек. Шутка удалась, но я не забыла о своих обязанностях. Я вышла и подала ему знак. Он подошел к нам в совершенном смущении. Этот случай остался в секрете, чтобы в следующий раз нам не запретили выходить одним.

«Великая тайна» постепенно прояснялась по ходу рассказов тети Алекс, но, к сожалению, в силу обстоятельств наши встречи стали происходить все реже и реже. Я должна была делить свои школьные каникулы между папой и мамой, которая жила теперь с новым другом, ставшим вскоре моим отчимом, – Андре Танне. Он родился в Москве, его мать была русская, и оба они внесли еще одну славянскую нотку в мое семейное окружение.

III. Тихая Лозанна и политика

Дядя Пьер и тетя Алекс периодически приезжали к нам в Ивердон. Они всегда привозили с собой подарки и угощения. Их визиты были для меня праздником, но я уже не возвращалась вместе с ними в Лозанну, как раньше, и больше не было той особенной близости, которую я испытывала в прежнее время. Я утешала себя, погружаясь в чтение русской литературы, которую брала в книжном шкафу отца: Достоевский, Толстой, Чехов. Я проникалась духом обаятельных и склонных к крайностям русских героев, православной мистикой и величественными пейзажами, которые они описывали. Это был мой способ хранить на расстоянии связь с той Россией, о которой мне так живо рассказывала тетя Алекс.

Я с волнением прочитала книгу дяди Пьера³⁵ и осознала сущность драмы, которую он и тетя Алекс переживали день за днем, находясь в ближайшем окружении семьи Романовых.

Еще мы слушали русскую музыку, например Стравинского³⁶, эмигрировавшего в Швейцарию, где его музыку высоко ценили. Я слышала о нем еще потому, что он состоял в дружеских отношениях с коллективом «Воздузских тетрадей»³⁷,

³⁵ Gilliard Pierre. Le Tragique Destin de Nicolas II et de sa Famille, Payot, Paris, 1921. (Пьер Жильяр. Трагическая судьба Николая II и его семьи. Пайо, Париж, 1921)

³⁶ «История солдата» Стравинского на либретто Рамо была написана и имела успех в Лозанне в начале 40-х годов. (Прим. автора)

³⁷ Ежемесячный литературный журнал, основанный в 1914 г. братом Пьера Жильяра – Эдмоном Жильяром и Полем Будри. С этим журналом сотрудничали такие известные деятели швейцарской литературы и искусства, как Шарль-Фердинанд Рамо и Эрнест Ансерме. Журнал выходил до 1919 г.

журнала, созданного моим дядей Эдмоном Жильяром³⁸, Шарлем Ф. Рамю³⁹ и другими швейцарскими писателями и художниками.

Кроме того, большое влияние на меня оказали интерес и отношение моего отца к современным политическим проблемам, в частности к вопросам русской революции и коммунистического режима в России, тогда как прошлое дяди Пьера и тети Алекс казалось мне очень далеким и относилось к тем временам, которых больше нет. И я невольно заразилась политическим энтузиазмом своего отца, идеи которого захватили такую молодую идеалистку, какой я была в то время. Читая Горького, я открыла для себя другую сторону русской революции.

8 мая 1945 года – в день заключения мира⁴⁰ – в Ивердоне развесили флаги французских, английских и американских союзников. Советских флагов не было! Отец был потрясен этим и попросил мою тетю на скорую руку сшить красный флаг с серпом и молотом, который он повесил на балконе рядом с остальными. Мы жили в доме, где располагалось издательство «Газета Ивердона». Разъяренный директор этого издательства пришел к отцу и потребовал немедленно снять флаг. Отец категорически отказался: разве СССР не была одной из стран союзников-освободителей? Это был скандал.

В мае 1944 года в контексте великих побед Советской Армии над гитлеровскими войсками в Лозанне была основана Народно-трудовая партия⁴¹. Она имела невероятный успех, и ее депутаты присутствовали во многих муниципалитетах ле-

³⁸ Эдмон Жильяр (1875–1969) – старший брат Пьера Жильяра, известный педагог, писатель и литературный критик, основатель нескольких швейцарских журналов и издательств, а также Ассоциации писателей кантона Во (1944 г.).

³⁹ Шарль-Фердинанд Рамю (1878–1947) – один из известнейших швейцарских писателей и поэтов, был большим другом Игоря Стравинского.

⁴⁰ Речь идет об окончании Второй мировой войны, в которой Швейцария как нейтральная страна официально не участвовала.

⁴¹ Народно-трудовая партия была основана в кантонах Берн, Невшатель, Во и Юра как партия прогресса и антикапитализма. Существует до сегодняшнего дня и входит в швейцарский альянс левых партий. Штаб-квартира в Лозанне находится в Народном доме.

вого толка, в частности в Ивердоне. Вместе с Швейцарской рабочей партией⁴² она боролась за социальные изменения: введение пенсии, избирательного права для женщин, демократизацию образования. Мой отец не раздумывая вступил в нее. Для местных властей Ивердона это было слишком, и они прижали его к стене: либо он прекращает быть активистом Народно-трудовой партии, либо его увольняют с работы. Он выбрал увольнение и устроился инженером в одно частное лозаннское предприятие.

Получив документ об окончании колледжа, я записалась в Кантональную научно-техническую гимназию⁴³ в Лозанне, но не по своему желанию, а чтобы доставить радость отцу, который мечтал, что я, как и он, стану инженером. Это была гимназия для юношей, но туда принимали и девушек, поскольку другой научно-технической гимназии для них не было. В 1947 году после Пасхальных праздников мы с отцом, несмотря на то, что продолжали жить в Ивердоне, присоединились к моим сестре и брату, которые уже учились в Лозанне. С этого момента работа всех членов нашей семьи была связана с этим городом.

Чтобы не ездить каждый день на поезде⁴⁴, дядя Пьер и тетя Алекс предложили мне пожить у них до тех пор, пока отец не найдет жилье в Лозанне. Так я вернулась на виллу «Коррентенна» в свою прежнюю маленькую комнатку. В воскресенье утром я дольше обычного лежала в постели. В этот день у горничной был выходной, и через открытое окно, расположенное над кухней, я слышала голос тети Алекс, которая готовила у плиты, и запахи воскресных блюд наполняли мою комнату. Я стала думать о жизненном пути этой маленькой воспитанницы Смольного, который она выбрала, чтобы стать молодой няней у дочерей последнего царя, а теперь она готовила воскресный обед для своего мужа и крестницы, как обычная

⁴² Швейцарская рабочая партия – социалистическая партия, ориентированная на марксизм.

⁴³ Гимназия включала только старшие классы средней школы и давала аттестат о полном среднем образовании.

⁴⁴ Ивердон и Лозанна связаны железной дорогой, расстояние между этими городами – около 40 км.

домохозяйка. Я мысленно просмотрела путь, который она прошла, чтобы понять, откуда у нее родилось это желание в совершенстве исполнять любую работу, которую ее попросят сделать, доброжелательно и никогда не жалуясь на украденную у нее судьбу!

Осознание этого вывело меня из ленивого состояния. Я встала и пошла к тете Алекс на кухню.

После нескольких лет обучения в колледже, в течение которых часто происходили непредвиденные семейные события, я вернулась в любимое мной мирное и безопасное гнездышко. По утрам я в спешке проглатывала уже приготовленный завтрак, затем спускалась по тропинке между садами домов Ля Розия⁴⁵ до моста через Вуашер⁴⁶, откуда направлялась в город. Гимназия находилась на вершине холма старого Сите, прямо за собором. В полдень я ходила домой на обед, поскольку школьных столовых еще не существовало. Когда к вечеру я приходила домой, меня ждала на полдник простокваша, которую я с удовольствием съедала под восхищенным взглядом тети Алекс. Дядя Пьер часто тоже был дома. Он был верен себе и всегда был готов подтрунивать надо мной. Все снова шло в прежнем порядке, как будто не было нескольких лет моего отсутствия! Мне приходилось усиленно заниматься, поскольку первый триместр в гимназии был не только подготовительным, но и отборочным.

Тетя Алекс любила моего отца еще со времен ее приезда в Швейцарию, когда молодой и еще холостой брат ее мужа приезжал в Фье. Он попросил ее давать ему уроки русского языка, которые всегда заканчивались веселым смехом. Даже спустя тридцать лет я видела по тому, как в ее голубых глазах поблескивали непривычные веселые искорки, что она все еще ценила очарование и юмор моего отца Мишеля.

После наших кропотливых занятий с отцом по физике или черчению нас приглашали к столу с особым полдником, приготовленным в честь моего отца. Тетя Алекс пекла вкусное

⁴⁵ Район Лозанны, в котором жили Жильяр и Теглева.

⁴⁶ Название речки, пересекающей Лозанну с севера на юг и впадающей в озеро Леман (Женевское).

печенье и предлагала нам положить в горячий чай домашнее горькое апельсиновое варенье, как это делают в России.

Мы никогда не разговаривали о политике, и я не видела идеологических разногласий между двумя братьями. Полностью погруженная в учебный процесс, сидя за столом в столовой, я не ощущала ничего, кроме теплоты окружающей меня обстановки. Иногда, когда я выпускала на минуту из рук книгу или тетрадь, мы молча обменивались с тетей Алекс улыбками, полными наших общих воспоминаний. Я с нежностью смотрела на тетю, которая могла бы быть моей бабушкой и которая приехала из мира, для меня скорее воображаемого, чем реального. Что еще скрывал взгляд моей крестной? Почему ее жизнь была окутана тайной? И много ли было еще нераскрытого для меня в этой тайне?

Занимая пост профессора филологического факультета и директора Школы современного французского языка, которую он создал в Лозаннском университете, дядя Пьер еще и преподавал там французский. Его очень волновало, чтобы у тети Алекс была настолько обеспеченная жизнь, насколько это возможно, потому он преподавал до семидесяти лет, чтобы получить полную пенсию.

Скоро мое пребывание у дяди Пьера и тети Алекс опять закончилось, так как отец нашел квартиру в Лозанне и мы переехали. Я успешно закончила подготовительный триместр и была принята на учебу с сентября, а пока что были каникулы, а я была истощена и страдала малокровием... В июле по приглашению моих друзей я поехала на несколько дней в горы. Именно там, в возрасте 17 лет, я познакомилась с молодым человеком, который надолго занял особое место в моем юном сердце.

В начале августа 1947 года мы переехали в Лозанну и стали жить все вместе, что было нелегко после нескольких лет, за которые мы повзрослели, наши пути разошлись, а отцовский авторитет по-прежнему оставался непререкаемым. В доме можно было услышать повышенные голоса. По вечерам я сопровождала отца на собрания Народно-трудовой

партии и на различные лекции. Именно тогда я стала серьезно интересоваться политической жизнью.

В сентябре я вернулась в гимназию без всякого энтузиазма. Я не смогла найти свое место в этом исключительно мужском коллективе, который, как я заметила, был еще и женоненавистническим. К концу года я поняла, что больше не могу терпеть этого. Я делала успехи в учебе, но больше не видела смысла продолжать образование, готовящее мне будущее, которого я не хотела. Я решила бросить учебу в гимназии. Выйдя из кабинета директора, которому я сообщила о своем решении, я осознала, что только что отказалась от всех перспектив, которые открывало обучение. Спустя несколько дней отец сообщил, что он предложил мою помощь ассоциации «Швейцария–СССР», которая искала библиотекаря.

С 1940 года франкоязычная Швейцария стала местом убежища для французской литературы, о чем свидетельствовало издание журнала «Штрихи». Этот журнал был создан бывшими учениками Эдмона Жильяра⁴⁷, старшего брата Пьера. «Штрихи»⁴⁸ стал первым журналом швейцарского интеллектуального сопротивления, рупором антифашистов. Находясь под бдительным оком цензуры, он в дальнейшем усилил свою политическую направленность, выступая, в частности, за сотрудничество Запада с Советским Союзом. В марте 1944 года журнал опубликовал постановление об образовании ассоциации «Швейцария–СССР», которую порекомендовал своим подписчикам в последнем номере за 1945 год.

Начиная с 1944 года, ассоциация «Швейцария–СССР» находила много сторонников среди людей самых различных интересов и социальных групп. Доклады об СССР собирали полные аудитории. Докладчиками были, главным образом, члены Швейцарской рабочей партии или других левых партий, а также промышленники и финансисты, заинтере-

⁴⁷ «Эдмон Жильяр и франкоязычная культурная жизнь», Ф. Бэ и К. Коражу, 2010 г. Издательство Антипод, Лозанна. (Прим. автора)

⁴⁸ Литературно-философский журнал «Штрихи» выходил с 1940 по 1945 гг.

сованные в будущих экономических связях с СССР. С наступлением периода холодной войны ассоциация стала активно пропагандировать Советский Союз, и ее аудитория резко сократилась.

Итак, я начала свою работу в этой ассоциации. В то февральское утро 1948 года, в день моего восемнадцатилетия, небо было по-весеннему голубое. Приступая к работе библиотекаря, я была удивлена тем, что чувствовала себя свободно и легко, словно фрегат, который выходит в море на всех парусах! В течение четырех месяцев я проводила инвентаризацию, классифицировала и иногда читала русскую литературу, далеко не всегда коммунистического характера.

Однако спустя несколько недель все вокруг меня снова стало рушиться. Здоровье отца неожиданно ухудшилось. Диагноз, который ему поставили, нас сразил: после нескольких лет затишья у него возник серьезный рецидив туберкулеза.

Теперь я уже одна ходила на лекции Народно-трудовой партии и ассоциации «Швейцария–СССР». Сидя за столом возле докладчика, я предлагала слушателям книги, журналы и газеты. Раз в месяц по вечерам в подвале Трудового центра устанавливали «козлы», на которые укладывали доски, и несколько человек, включая меня, при тусклом свете голых лампочек с энтузиазмом запечатывали в бандероли для подписчиков ежемесячные газеты союза «Швейцария–СССР», запрещенные в то время в Швейцарии. Эта обстановка погружала меня в мир романа Горького «Мать», который я только что прочитала.

Я не могла представить себе, что теперь должна все бросить. Прожив вместе десять месяцев, все члены семьи снова разошлись. На семейном совете было решено, что отца нужно госпитализировать в Давос⁴⁹, где мой двоюродный брат, Андре Жильяр, был специалистом по легочным заболеваниям.

⁴⁹ Согласно теории врача Александра Спенглера (1827–1901), альпийский климат способствовал лечению туберкулеза. Поэтому в конце XIX в. в Давосе, как и на других высокогорных курортах Швейцарии, начали открываться противотуберкулезные клиники и санатории.

ям. Нашу квартиру сдали другим людям. Брат, который учился на художника-архитектора, вернулся к матери, а сестра переехала к дяде Пьеру и тете Алекс, чтобы подготовиться к сдаче диплома по прикладному искусству. Поскольку я нигде не училась, меня отправили с отцом в Давос, где меня приняла семья двоюродного брата.

К концу лета отцу стало лучше, и я не сомневалась, что он вскоре поправится. Он набрался сил, и в выходные перед моим отъездом к дяде Пьеру и тете Алекс мы решили отправиться в горы. Мы провели великолепный день, пережив один из тех редких моментов счастья, который никогда не уйдет из нашей памяти. Спустя два дня он проводил меня на вокзал, где мы долго сжимали друг друга в объятиях. Из окна поезда я наблюдала за его постепенно удаляющейся фигурой. Когда она исчезла, меня вдруг охватила уверенность в том, что я больше его никогда не увижу. Тут же в поезде я написала ему письмо с признанием в своей дочерней любви.

Дядя Пьер и тетя Алекс ждали меня. Я вновь обрела тепло их любви, свою маленькую комнату и белую железную кровать. Через несколько дней я поступила в школу секретарей.

Жизнь снова пошла своим чередом, но вскоре мы получили плохие известия. Плевра одного из легких моего отца, заядлого курильщика, не смогла выдержать пневмоторакса. Дяде Пьеру позвонили 1 ноября 1948 года и сообщили, что отца больше нет. Тетя Алекс обняла меня, и мы вместе заплакали. Выпустив меня из объятий, она посмотрела на меня заплаканными глазами и сказала: «Ты можешь оставаться у нас сколько захочешь». Дядя Пьер молча согласился с ней.

Всей семьей мы прочитали последнюю волю нашего отца: «Никаких богослужений, надгробных слов и цветов. Я хочу, чтобы меня кремировали и чтобы мой прах развеяли на природе». Но семейный совет решил иначе, и похороны прошли в соответствии с традицией.

2 ноября я отправилась во Фье, чтобы открыть уже запертый на зиму дом. Туман расстился над пашней. Я разожгла камин, и густой дым наполнил дом и погрузил его в неподвижную темноту. Я почувствовала сильную грусть, но родные стены меня берегли. Приехав в дом, я завела настольные ча-

сы отца. Ход часового маятника, который постукивал, словно сердце моего любимого дома, убаюкал меня.

Я проснулась от криков и сильных ударов во входную дверь. Было уже десять часов утра! Пришла крестьянка и сунула мне в руки огромный букет хризантем со словами: «Гроб привезли...» В библиотеке срочно поставили два табурета, на которые мужчины опустили гроб. Они поклонились и ушли. Оставшись одна, я зарылась лицом в цветы.

После отпевания все происходило, как на похоронах моего дедушки. Я шла во главе траурной процессии с братом и сестрой. Только следуя за гробом по улицам деревни, я осознала, что мы не исполнили последнюю волю отца. Почему я согласилась на это?

Жизнь вновь пошла своим чередом и на вилле «Коррентенна», и в школе, несмотря на огромную пустоту в моем сердце. Со мной рядом была бессильная мне помочь тетя Алекс, которая по-прежнему дарила мне любовь и нежность.

Все то время, что я жила с ними, дядя Пьер просил меня отказаться от политической деятельности. Сначала меня оскорбила такая настойчивость, поскольку это вынуждало меня отказаться от тех совместных переживаний, благодаря которым возникла очень крепкая связь между мной и отцом. Постепенно я стала понимать, что прошлое тети Алекс и дяди Пьера, которое я представляла себе таким далеким, было связано в одно с их настоящим. Оно вновь возникало без моего ведома, а иногда даже заменяло мне мою собственную жизнь.

Друг моего отца и дядя Пьер разделили между собой расходы на мое обучение в школе. Экзамены проходили в июне. Приоритетом для меня стало получение диплома, поскольку я очень хотела как можно скорее сама зарабатывать себе на жизнь.

Дядя Пьер вышел на пенсию и медленно погрузился в новый, бездеятельный образ жизни. Время детских волшебных сказок закончилось, и мои взоры отважно устремились во взрослый мир. Моя жизнь вновь пошла своим привычным чередом с тетей Алекс и дядей Пьером так, как будто все было заранее предусмотрено.

В субботу утром у меня не было занятий, и мы отправлялись на рынок. Мы брали тележку на колесиках и быстрым шагом направлялись к городу. Дядя Пьер слегка возмущался, когда мы уходили без него, но тетя Алекс говорила, что на самом деле он был очень этим доволен. У нее появлялся шаловливый взгляд школьницы, прогуливающей уроки, и мы весело болтали по дороге. Придя на рынок, мы обходили ее знакомых торговцев овощами, сыром, рыбой. Наш обход завершился в мясной лавке, откуда мы выходили, уплетая аппетитные горячие пирожки с мясом. Какими же радостными были эти счастливые субботние походы на рынок с тетей Алекс!

За пределами школы я жила в ритме их семьи, в ритме тех прогулок, которые они совершали когда-то с великими княжнами и цесаревичем Алексеем. Только теперь для нас это были сезонные воскресные прогулки: зимой мы делали небольшой круг по кварталу, весной гуляли по цветущим полям, летом устраивали пикник в лесу, осенью прогуливались по крутым дорожкам виноградника над озером.

В редкие минуты, когда мы оказывались с тетей Алекс наедине, мы разговаривали как две близкие подруги, и характер нашей беседы принимал оттенок тайны. Интересно, какой же была тетя Алекс в моем возрасте?

Я обожала свою новую жизнь, и для меня было удовольствием полностью посвящать себя ей. Но я повзрослела, и иногда мне хотелось отлучаться из дворца, чтобы видеть окружающий мир, с которым я не была знакома. Императрица позволила мне несколько раз выйти, но только в сопровождении кого-нибудь из императорской охраны. Некоторые осведомленные царицей унтер-офицеры приглашали меня в театр, в оперу или на балет. Я была так счастлива и воодушевлена, что стала злоупотреблять этим, и получила замечание.

Я ничего не знала о жизни, и моя наивность забавляла моих спутников. Когда мы смотрели спектакль, я смеялась над сценами, которые никого, кроме меня, не смешили, или же все смеялись тогда, когда я не понимала, что в этом смешного. Один из моих кавалеров сказал мне как-то: «Что хорошо, когда я Вас приглашаю в театр, так это то, что я смотрю сразу два спектакля: один на сцене, а другой рядом с собой».

Одним из моих любимых моментов были путешествия на яхте «Штандарт» по Финскому заливу. На палубе императорская семья, ее свита, офицеры – все соприкасались очень близко, и протокол становился менее строгим. По вечерам звучала музыка, и все весело танцевали. Однажды вечером я танцевала с одним молодым офицером и впервые в жизни влюбилась! Поскольку я танцевала только с ним, это не осталось незамеченным. Девочки стали подтрунивать надо мной и внимательно наблюдать за всеми моими действиями и жестами. Я случайно встретила с ним снова зимой в Крыму, и когда он бывал свободен по вечерам, мы гуляли по парку.

Когда мы вместе рассматривали фотографию, рука тети Алекс, держащая ее, немного дрожала. Тетя Алекс, одетая в длинное светлое платье, с раскрытым зонтиком от солнца, была на ней очень привлекательна. Она сидела в гамаке рядом с молодым и красивым морским офицером. Кто сделал эту фотографию и почему она всегда стояла на письменном столе дяди Пьера?

Императрица была настороже. Если ты находишься у нее на службе, тебе нельзя выходить замуж и ты не имеешь права заводить серьезные отношения с мужчинами. Поэтому то, что я видела его редко, не было случайным.

Когда тетя Алекс не сопровождала императорскую семью в Крым, она переписывалась с девочками. Я обнаружила очень трогательную и полную любви открытку от пятнадцатилетней Татьяны.

Ливадия, 28 марта 1912 г.

Милая моя Шура,

Сегодня Мари, Анастасия и я с Триной⁵⁰ были в Ялте. Мама лишь сказала, чтобы я Вам купила какие-нибудь книги. Конечно, я постаралась найти что-нибудь смешное, и я купила Аверченко, и человек, который продавал, сказал, что рассказы страшно комичные. Надеюсь, понравится.

⁵⁰ Домашнее имя Екатерины Адольфовны Шнейдер (1856–1918) – гофлектрисы императрицы Александры Федоровны.

Еще купила одну книгу Немировича-Данченко «Ежовые рукавицы», роман. Не знаю, читали ли.

Надеюсь, что скоро увидимся. Крепко, крепко Вас целую. Посылаю Вам все письма, которые были присланы Вам. <...>

*Да хранит Вас Бог. Крепко и нежно Вас обнимаю,
Любящая Вас Татьяна.*

Постоянным мучением для семьи Романовых оставалась болезнь цесаревича.

Императрица была в отчаянии от сильных приступов гемофилии и криков ее сына от боли. Врачи делали все возможное, чтобы облегчить страдания ребенка, но уровень медицины в этой области был недостаточно высоким. Устав понапрасну молиться и находясь под давлением некоторых придворных дам, царица обратилась к некоему Распутину, который убедил ее, что может спасти Алексея. С тех пор она стала оказывать безмерное доверие этому старцу, будучи убежденной в том, что он ниспослан ей Богом для спасения сына. Она все больше и больше погружалась в мистическое ослепление, которое сделало ее недоступной для тех, кто пытался предупредить, что он злоупотребляет своей властью над ней.

Несмотря на мою искреннюю привязанность к царице и мое сочувствие ее страданиям, я не понимала, как она могла поддаться чарам Распутина. В редкие моменты, когда мне случалось пересекаться с этим человеком, я испытывала к нему глубокую неприязнь.

Жизнь семьи стала почти монашеской. Ольге и Татьяне было соответственно девятнадцать и восемнадцать лет, они были в том возрасте, когда необходимо общение, а вместо этого они жили в затворничестве со своей матерью.

Недоброжелательные слухи, которые ходили вокруг Распутина и императрицы, неприятно поражали меня и огорчали. За все годы, проведенные в узком кругу детей и их родителей, между нами установилась очень тесная эмоциональная связь. Я любила девочек всем сердцем и восхищалась их очень близкими отношениями с матерью, но не могла не замечать, что в этом есть и нечто тревожное.

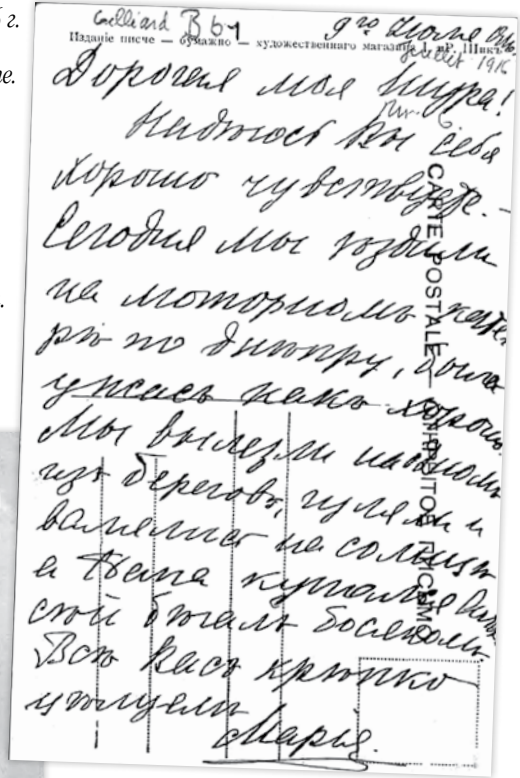
Могилев, 9 июля 1916 г.

Дорогая моя Шура!
Надеюсь, Вы себя хорошо чувствуете.
Сегодня мы ездили на моторном
катере по Днепру. Было ужас как
хорошо.

Мы вылезли на одном из берегов,
гуляли и валялись на солнце, а Папа
купался, Алексей бегал босиком.

Все Вас крепко целуем,

Мария.

Почтовая открытка великой княжны Марии Николаевны
из Могилева от 9 июля 1916 г.
(архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета)

Мари-Клод в русском народном костюме и кокошнике
(фото из архива автора)

На вилле «Коррентенна» иногда получалось так, что мы несколько недель не могли продолжить историю «дорожного сундука», особенно во время экзаменов. Получив диплом секретаря, я поступила на работу к человеку, который был моим опекуном с момента смерти отца и до моего совершеннолетия.

По воле случая моей начальницей стала мадемуазель Соколова. Она была бывшей прима-балериной Большого театра, а в Швейцарию приехала, чтобы лечить тяжелую форму туберкулеза тазобедренного сустава. Но даже вмешательство крупного специалиста не помогло, и ее тело осталось искривленным из-за болезни. Я удивлялась ее энергии и жизнерадостности, которые сразу же вызвали у меня симпатию.

Однажды она предложила мне выучить русский народный танец. Один молодой студент, с которым я общалась, согласился составить мне пару, и мы встретились на вилле «Коррентенна» с нашей прима-балериной. Стол и стулья из столовой убрали в гостиную, и под восхищенными взглядами тети Алекс и дяди Пьера мадемуазель Соколова стала учить нас различным па и жестам народного танца под цыганскую музыку. Мы были очарованы ее грациозностью и легкостью. Наше выступление прошло с успехом на одном домашнем вечере. Я была одета в русский народный костюм, на голове у меня был кокошник, одолженный нашим хореографом, а мой талантливый партнер был одет в казачью рубашку и сапоги. Мы полностью преобразились на один вечер, и тетя Алекс с дядей Пьером не могли скрыть своей радости, увидев племянницу в образе русской девушки.

У меня нет ни одной фотографии этого представления, только несколько снимков, сделанных у моей мамы или в саду виллы «Коррентенна».

Александра Александровна Теглева,
возможно, 1910–1915 гг.
(архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета)

Пьер Жильяр, возможно, 1915 г.
(фото из архива автора)

IV. Секреты тети Алекс открываются

Иногда история была продолжена, причем когда дядя Пьер был дома. Это происходило в два голоса, но его рассказ имел больше политический оттенок и был связан с историческими событиями.

С началом войны 1914 года стали сотнями прибывать раненые. Царица решила пройти курсы медсестер с Ольгой и Татьяной, чтобы помогать врачам в госпиталях.

Уроки были прерваны, и, используя свободное время, Мария и Анастасия активно вязали из шерсти вещи для солдат, надеясь таким образом немного облегчить тяжелые испытания войны. Я с несколькими придворными дамами присоединилась к ним помогать и восхищалась постоянными усилиями императорской семьи быть солидарной с теми, кто страдал.

К сожалению, народ этого не знал!

Дядя Пьер добавил, что в то время авторитет Николая II был очень значительным, и поэтому он решил взять на себя командование армией. Но полностью посвятив себя роли главнокомандующего, Николай II не отдавал себе отчета в том, что он потерял контроль над политической ситуацией. Распутин воспользовался этим, поскольку у него было все больше и больше власти над императрицей, которая по его совету принимала очень спорные решения. Ненависть к старцу росла, потом она распространилась на императрицу и царя. Напряжение было ощутимо даже в ближайшем окружении императорской четы. Князь Юсупов и несколько его

друзей приняли решение убить Распутина, что и было сделано 29 декабря 1916 г.

Когда новость об убийстве Распутина пришла во дворец, я поспешила с детьми к их матери. Она была подавлена, черты ее лица были искажены горем и тревогой.

Я никогда не хотела верить ужасным предсказаниям Распутина, но должна признать, что, как он и говорил, именно после его смерти несчастья начали рушиться на Романовых.

15 марта 1917 года под давлением политических кругов царь отрекся от престола «во благо своего народа». Семья была в Царском Селе, у четырех детей была корь, новостей от царя не было, и все испытывали тяжелое чувство страха.

Война еще не была окончена, а на горизонте уже вырисовывалась революция. Петроград⁵¹ оказался в руках революционеров, а ко дворцу приближалась стрельба.

21 марта, так и не получив новостей от императора, мы узнали, что Романовы и все, кто останется с ними, арестованы. Мне даже в голову не могла прийти мысль покинуть семью в такой момент. Я пошла вместе с царицей, чтобы сообщить новость ее дочерям. Пьер тоже решил остаться, и поскольку царь отсутствовал, на него возложили деликатное и тяжелое поручение сообщить Алексею о происходящем.

В четыре часа вечера мы остались запертыми в Александровском дворце. Царь прибыл на следующее утро и вошел в свой дворец под конвоем, как заключенный. Однако, какими бы ни были обстоятельства и трудности, встреча семьи после такой разлуки всегда приносит радость.

Детям стало лучше, и наша жизнь начала устраиваться. Постепенно между нами и императорской семьей возникли более близкие отношения, поскольку на нас распространялись общие правила. Нам разрешалось два раза в день выходить в выделенную нам часть

⁵¹ Название Санкт-Петербург город имел с 1914 по 1924 гг., затем он был Петроградом (до 1924 г.), Ленинградом, а в 1991 г. снова был переименован в Санкт-Петербург. (Прим. автора)

парка, кроме того, мы могли регулярно посещать церковь. Сопровождающая нас охрана была скорее доброжелательной. Была весна, погода стояла теплая, и никто из нас не жаловался.

Чтобы как-то разнообразить наши выходы, царь решил разбить огород, и все принялись копать грядки. Мы копали, сеяли, поливали. Я должна была наполнять лейки для младших девочек, и мне было приятно смотреть на то, с каким воодушевлением они выполняли свои новые обязанности.

Императрица не испытывала всеобщего воодушевления. Иногда я останавливалась у ее кресла, и она грустно улыбалась мне одними глазами. Должна сказать, что мы на самом деле не осознавали, что арестованы, и не думали о завтрашнем дне. Александровский дворец был любимым местом пребывания царя и его семьи и, несмотря на некоторые введенные для нас ограничения, каждый нашел там свое место и выработал свои привычки.

Царь и его супруга беспокоились о том, чтобы политическая ситуация как можно меньше коснулась их детей. Уроки возобновились, а я снова стала сопровождать детей во время прогулок и работы на огороде, которая по-прежнему доставляла им большое удовольствие, а выращенные собственными руками овощи приводили в восторг. Дети были полны жара юности, жаждущей нового.

Именно с этого времени началось наше более близкое знакомство с Пьером.

Казалось, что только Ольга реально осознавала все происходящее. Были ли чем-то похожи русская и французская революции? Подвергнутся ли они той же участи, что и Людовик XVI и Мария-Антуанетта?

Весь июль в жизни арестантов не происходило никаких изменений. В газетах, которые им иногда давали, речь шла только о революции, и у Романовых было чувство, что все от них отвернулось. Даже в газетах, которые Пьер получал из Швейцарии, некоторые статьи были залиты черными чернилами.

В начале августа мы узнали, что Временное правительство решило нас куда-то перевезти. Императрица сразу же подумала о Крыме, но нам посоветовали взять теплые вещи. На какой-то миг она забы-

ла, что они были арестованы и что в России единственным местом для арестованных была Сибирь!

Я помогла девочкам собрать вещи. Затем я открыла свой сундук, который был со мной во многих прекрасных поездках. На сердце у меня было тяжело. Содержание под арестом в Александровском дворце было спокойным, а вот какой будет наша следующая тюрьма? На дно сундука я положила свое меховое пальто, а сверху – зимние вещи, в которые я спрятала несколько драгоценностей.

В воскресенье, 12 августа 1917 года, Алексею исполнилось тринадцать лет. Это событие было отмечено лишь богослужением в церкви. Наш отъезд был назначен на следующий день в полночь. В полукруглом зале дворца с большими окнами, выходящими в темный парк, более пяти часов мы ждали машин, которые должны были за нами приехать. Наконец они приехали, и мы попрощались с теми, кому не разрешили ехать с императорской семьей. Отряд кавалерии сопровождал нас до железнодорожной станции Александровская. Поезд был комфортабельным, и под монотонный стук колес уставшие дети быстро заснули. Я тоже недолго сопротивлялась грузу усталости и тревоги.

Выехав 14 августа, мы прибыли вечером 17 августа в Тюмень, где пересели на пароход «Русь», который направлялся в Тобольск. Императрица знала, что мы будем проезжать мимо дома Распутина, поскольку он предсказал ей это. Вся семья поднялась на палубу, чтобы в последний раз попрощаться со своим «Другом».

Добравшись до места, они должны были жить неделю на пароходе, прежде чем был готов предназначенный для них дом и они смогли туда перебраться. Семья Романовых расположилась на втором этаже, Пьер Жильяр, Александра Теглева и несколько человек из свиты заняли первый этаж. Другие сопровождавшие разместились напротив, в доме одного купца.

За несколько дней наш образ жизни изменился. Ели мы все вместе, кофе часто подавала сама царица, и нас приглашали проводить вечера вместе с семьей Романовых. Выходы на улицу были ограничены, и мы организовывали игры и чтения, чтобы развлечь детей. Жильяр и Гибс (преподаватель английского языка) придумывали

Полукруглый зал Александровского дворца
(фото автора, сделанное в 2006 г.)

Пароход «Русь» у причала в Тобольске, на берегу видна охрана
(архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета)

Дом купца Корнилова в Тобольске («Дом свободы»)
с отгороженной частью улицы и охраной
(архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета)

Анфилада комнат второго этажа в Тобольске,
в конце анфилады видна походная церковь
(архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета)

короткие комические сценки для молодежи, в которых Анастасия проявляла настоящий талант актрисы. Один раз даже император надел на себя театральный костюм.

У детей никогда не было такой наполненной общением жизни раньше. Конвоиров покоряла их простота и приветливость, они с удовольствием участвовали в общих беседах и играх. Эти приятные моменты помогали им хоть ненадолго забыть об арестантских условиях.

Царь с грустью наблюдал за происходящим. Ему казалось, что его отречение ничего не дало. 15 ноября 1917 года они узнали, что Временное правительство свергнуто и что большевики захватили власть.

24 декабря 1917 года священник пришел отслужить вечерню, затем все собрались на сочельник. Дети подарили каждому из нас небольшие подарки, сделанные своими руками.

Погрузившись в рассказы тети и дяди, я узнала, что они пережили и какую роль сыграли, находясь с детьми Романовых. Пьеру удавалось даже развлекать и веселить арестантов, несмотря на неопределенность и тревожное время, которое они переживали. Забота и любовь Александры смягчали и успокаивали их страхи. Действительно, эти два человека уже тогда прекрасно дополняли друг друга, и я испытываю странное чувство, думая, что их встреча и судьба не были простой случайностью.

На виллу «Коррентенна» приезжали князья, герцоги, графы, спасшиеся из того мира, от которого у них теперь остался лишь легкий славянский акцент.

Дружеские связи мои дядя и тетя поддерживали с баронессой Буксгевден⁵², которая жила в Англии и несколько раз приезжала на короткое время на виллу «Коррентенна». Она

⁵² Баронесса Софья Карловна Буксгевден была личной фрейлиной императрицы Александры Федоровны, поехала в Сибирь вслед за императорской семьей, пережила ужасы гражданской войны вместе с Теглевой и Жильяром и написала воспоминания об этом периоде своей жизни (см. библиографию в конце книги).

была очень сильной женщиной, которая, казалось, уже закрыла страницу прошлого. Когда она приезжала, ее энергичные шаги, низкий голос и заразительный смех нарушали спокойную обстановку в доме.

Иногда к нам приезжали гости, некоторые из них производили на меня сильное впечатление. Так, однажды я открыла дверь и увидела на пороге немолодого невысокого мужчину, который улыбался мне. Это, как выяснилось позже, был митрополит Анастасий Греческий,⁵³ но в первую минуту я подумала, что передо мной возникло некое видение, поскольку гость был в полном церковном облачении. По обеим сторонам от него стояли два высоких, крепких бородатых мужчины, которые могли сойти за телохранителей, если бы тоже не были одеты в черные рясы.

Остолбенева, я пробормотала робкое «здравствуйте, отец» и впустила их как раз в тот момент, когда прибежала тетя Алекс и поцеловала митрополиту руку. Мы сели пить чай, и я была очарована кротостью и сиянием этого человека. Затем они прошли в гостиную и долго беседовали за закрытыми дверями. Об этой встрече я так ничего и не узнала, и она навсегда осталась неизвестной страницей «великой тайны».

В те годы я жила довольно странной жизнью, вне времени вообще и особенно вне своего реального времени, не испытывая ни малейших неудобств. Мои редкие выходы были либо к маме, либо за студенческим пособием, где я иногда встречала молодого человека, который был тайным избранником моего сердца.

Жизнь на вилле «Коррентенна» резко омрачилась в 1953 году, когда врач тети Алекс поставил ей диагноз – рак груди. Удар был очень сильным, и нужно было срочно делать операцию. Дядя Пьер был потрясен, а тетя Алекс, поддерживаемая своим хирургом, которому она полностью доверяла, встретила эту новость спокойно. Она перенесла это испытание, проявив свойственную ей силу воли, и уже скоро принялась за дела в доме и в саду под успокоенным взглядом дяди Пьера.

⁵³ Речь идет, видимо, о митрополите Анастасии (1873–1965) – главе Русской православной церкви за границей.

В начале июля, выходя с работы, я с удивлением увидела, что меня ждет молодой человек – избранник моего сердца, который вернулся из Англии. В течение последующих нескольких месяцев мы часто виделись. Он представил меня своим родителям, и мы сближались все больше и больше. Глухая к советам дяди Пьера быть осторожной и поддерживаемая, наоборот, тетей Алекс, я жила будто во сне, который вдруг оборвала реальность. У дяди Пьера, хорошо знакомого с жизнью студентов, был более реалистичный, чем у меня, взгляд на моих ровесников. Ведь для такой молодой представительницы буржуазии, идеалистки, романтичной по натуре, серьезной и очень наивной, какой была я, любовь была связана с браком. И вдруг незадолго до возвращения моего избранника с рождественских каникул я от кого-то узнала, что он влюбился в другую девушку. Удар был тяжелым.

Вернувшись домой, я сразу же поднялась в свою комнату и там разрыдалась от разочарования и возмущения. Тете Алекс не нужно было ничего объяснять. Она прибежала, села рядом и нежно меня обняла. Когда я встретилась с ней взглядом, то увидела, что в ее глазах тоже стояли слезы...

Ты помнишь морского лейтенанта, которого я встретила на «Штандарте»? Я видела его в последний раз в Ливадии. Однажды вечером, когда мы гуляли по парку, он сообщил мне, что его полк отправляется на войну с японцами. Когда он уходил, он попросил меня закрыть на минуту глаза. Первая мысль, которая пришла мне в голову, было то, что он воспользуется случаем, чтобы поцеловать меня... Я немного схитрила, подсматривая сквозь ресницы, чтобы не позволить ему застать меня врасплох. И тут я увидела, что он перекрестил мне лоб. Знал ли он, что не вернется? Я восприняла этот жест как благословение, которое должно было защищать меня до его возвращения. Но спустя несколько месяцев весь русский флот был разгромлен японцами. Не выжил ни один человек. Тогда я была почти твоего возраста, эта новость была для меня огромным горем. Как и ты, я заливалась слезами и никогда не переставала его любить. Иногда я говорю себе, что все еще жива благодаря его благословию.

Не рассказывай ничего дяде Пьеру, потому что я ему никогда не говорила об этом.

Я подумала о фотографии на письменном столе в гостиной... Сколько же секретов таила тетя Алекс в своем сердце? Ее многолетняя грусть и моя, только что родившаяся, соединились, и на мгновение мы стали с ней одного возраста.

Первая любовь всегда бывает единственной, и нужно бережно хранить ее в своей памяти. Это счастливый случай, потом будут еще и еще, но этот не будет похож ни на что другое.

Мы вытерли слезы и спустились к дяде Пьеру, который посмотрел на мои покрасневшие глаза и не проронил ни слова, но его взгляд говорил: «А ведь я тебя предупреждал».

Я была взволнована рассказом тети Алекс. Дядя Пьер когда-то рассказывал мне о страшной русско-японской войне и о морском Цусимском сражении. Это произошло почти сразу после его приезда в Россию. Эскадра русского флота была отправлена на оборону Порт-Артура и вся была уничтожена японским флотом за несколько часов. Я осознала ужас произошедшего, представила себе двадцатилетнюю Александру, которая поняла, что ее любимый попал в этот ад..

Рядом с такой ужасающей картиной моя грусть вдруг показалась мне ничтожной. Однако, как и тетя Алекс, я долго буду хранить в своем сердце эту тайную семилетнюю мечту моей молодости, это короткое счастье и мою первую несчастную любовь.

v. Конец скитаний и новая семья

Яне историк, но так получается, что история Александры разворачивается в историческом контексте XX века, который я обязана учитывать. Тетя Алекс редко рассказывала об этом периоде, а поскольку хронологически я хочу придерживаться ее рассказа, то мне нужно сослаться на свои собственные книжные знания и на другие, иногда устные, свидетельства, источники которых я не всегда могу предоставить.

В феврале 1918 года в Тобольске правительство большевиков перевело арестантов на солдатский паек. Конвоиры стали грубее и иногда пытались унижить тех, кого они считали виновными во всех своих несчастьях.

Когда кто-то из благожелательно настроенных конвоиров предупредил царя и Алексея, что они больше не имеют права носить эполеты, они решили снять их сами, чтобы избежать позора и не позволить конвоирам сорвать их.

Вечером Алексей пришел, чтобы отдать мне свои эполеты и орден, и попросил сохранить их. Я была очень растрогана оказанным мне доверием, но в то же время удивлена его выбором. Почему я? Потому ли, что я была женщиной? А может, просто интуиция подсказывала ему, что его жизнь в опасности, в то время как у меня, возможно, был шанс спастись? Почему не доверить их своему швейцарскому воспитателю? Я никогда не узнаю этого.

25 апреля 1918 года из Москвы пришел приказ увезти бывшего императора. Николай II отказался ехать без семьи,

но ему разрешили взять с собой лишь двоих. Царица решила сопровождать его с Марией. Никто не знал, куда они едут, но вернувшиеся конвоиры сообщили детям, что их родители в Екатеринбурге. Алексей был болен, поэтому лишь через три недели остальные дети и арестованные смогли присоединиться к ним. 22 мая они снова сели на пароход «Русь» и отправились в Тюмень, где их ждал специальный поезд, который направлялся в Екатеринбург. Когда наступила ночь, поезд остановился в открытом поле. Конвоиры были встревожены и приказали девушкам оставить двери открытыми, а Алексея заперли в его купе с матросом Нагорным, который был в ярости.

На следующее утро возле поезда появились извозчики. Когда дверь купе Алексея открыли, я стала свидетелем ужасной сцены: Нагорный внезапно выскочил из купе, заорал и ударил офицера-большевика. Я стала умолять его успокоиться из уважения к Алексею, и, послушав меня, он притих. Я была в ужасе, потому что никогда не видела его в такой ярости. Что касается меня, то мне приказали оставаться в своем купе.

Запертые в вагоне, арестанты видели, как чуть позже прошел Нагорный, неся на руках Алексея. Затем мимо их окон прошли три великие княжны, с трудом волоча свой багаж. Оставшиеся в вагоне думали, что вскоре присоединятся к детям, но поезд тронулся и отправился на вокзал в Екатеринбург. Тогда они и не подозревали, что видят детей в последний раз.

23 мая вечером, те, кого конвоиры оставили⁵⁴, узнали, что они свободны и должны покинуть город. Каким образом? Железнодорожное движение было заблокировано, и им ничего не оставалось, как жить в поезде до 3 июня, пока их вагон не был прицеплен к поезду дезертиров, который и доставил их в Тюмень 15 июня.

⁵⁴ Это были учителя – Пьер Жильяр и Чарльз Гиббс, баронесса С. Буксгевден, А. Теглева, камер-юнгфера императрицы М. Г. Тутельберг, служанки, лакеи, повара – всего 17 человек. По приказу властей они были должны вернуться в Тюмень.

На следующий день после приезда, все еще не получив новостей от Романовых, Жильяр и Гиббс попытались узнать, что же происходит. Они предупредили консульства Франции, Англии и Швеции, которые, казалось, были избавлены от опасности. Жильяр даже рискнул отправиться в штаб большевиков, где его допрашивали в течение нескольких часов. С этого момента они были вынуждены прятаться, затерявшись в толпе дезертиров и беженцев и укрывшись в своем вагоне.

Именно тогда Жильяр доверил английскому консулу свой дневник, фотографии и несколько важных документов. Затем вместе с Гиббсом они отправились искать помощи у шведского Красного креста, где благодаря вмешательству одного случайно встретившегося немецкого офицера получили разрешение поселиться в городе.

Эта новость была утешением для Александры и баронессы Буксгевден, которые смогли наконец оставить мрачную вокзальную обстановку. Их осталось только четверо: Теглева, Буксгевден, Гиббс и Жильяр. Они нашли убежище в пустом доме одного купца. Окна были забиты, а для вентиляции в оконных рамах были сделаны дырки, которые затыкали пробками. Для освещения приходилось пользоваться свечами, но зато у них были кровати и вода. Было лето, и днем обе женщины продолжали прятаться, выходя подышать свежим воздухом только по ночам. Мужчины благодаря имеющимся у них заграничным паспортам приносили самые простые продукты – молоко, яйца и хлеб.

20 июля 1918 года войска под предводительством Колчака взяли Тюмень, и все узнали страшную новость: смертный приговор бывшему царю Николаю II был приведен в исполнение в ночь с 16 на 17 июля! В прокламации уточнялось, что бывшая императрица и дети были отправлены в надежное место.

Новость потрясла нас, но единственное, что имело для меня значение, – это надежда увидеть детей и их мать. Я не могла скрыть своей радости... Мы снова встретимся с ними, и я вскоре смогу присоединиться к ним! Я была в полном отрыве от реальности. Даже смерть царя не раскрыла мне глаза. Я хотела, чтобы все это кончилось и чтобы снова все было, как раньше!

Когда стало возможным вернуться в освобожденный белыми Екатеринбург, Жильяр нашел дом Ипатьева и увидел в подвале следы от пуль и пятна крови... В первую минуту он не поверил увиденному. Он не мог представить себе, что убили детей. Но когда он вернулся туда со следователем Соколовым и внимательнее осмотрел следы на стенах, сомнений больше не оставалось. Здесь было убито много людей. В Тюмень он вернулся в угнетенном и возмущенном состоянии. Новость, которой он боялся, пришла на несколько дней позже. Вся семья была расстреляна, так же, как и врач Боткин и трое сопровождавших их людей.

Александра была охвачена ужасом от жестокости и несправедливости такого поступка. Она всегда была уверена, что никто не может причинить страдания детям. До этой минуты она испытывала голод, холод, нужду, но все это можно было стерпеть благодаря единственной надежде снова увидеть детей. Свернувшись на своей кровати, она больше не двигалась, не разговаривала и не ела. В один жаркий августовский день Пьер нашел ее дрожащей от лихорадки и закутавшейся в меховое пальто. Он побежал искать врача, который определил у нее тиф. Ее нужно было немедленно увезти в деревню, где бы она лечилась, восстанавливала силы и пила козье молоко, которое очень рекомендовал доктор. Жильяр нанял какую-то повозку и нашел семью, которая держала несколько коз. Они согласились сдать единственную комнату в избе и присмотреть за Александрой. Но Александра отказывалась ехать, неустанно повторяя, что хочет умереть, чтобы соединиться с детьми. Тогда Жильяр и Гиббс взяли ее прямо так, как она была, завернутую в шубу, и донесли до повозки. Приехав в деревню, Жильяр с помощью хозяина перенес ее в избу и уложил на заранее приготовленную чистую и удобную кровать.

Эти люди, которые были евреями, чудесно обходились со мной и ухаживали за мной так, будто я была их дочкой. Их простота и бесконечная забота глубоко трогали меня. Без них я бы не выжила, потому что у меня больше не было никакого желания жить. Кроме того, они очень рисковали, поселив меня у себя: ведь если бы боль-

||| шевика нашли меня там, нас бы всех расстреляли. Я никогда не забуду их самоотверженность, и я не понимаю, как столько людей может говорить плохо о евреях.

Каждый месяц, как только появлялась возможность, Жильяр навещал Александру и радовался, когда видел, что она набиралась сил. Он не мог долго оставаться с ней, поскольку был занят расследованием и поисками тел убитых. Со временем люди начали говорить свободнее, и удалось найти несколько свидетелей, которые рассказали о каких-то шахтах, расположенных неподалеку в лесу. Но нужно было ждать, пока растает снег, то есть весь апрель 1919 года, чтобы следователь Соколов обнаружил следы костров и в их пепле нашел несколько вещей, принадлежавших семье Романовых. В начале лета 1919 года большевики вновь начали наступление и вскоре подошли к Екатеринбургу, поэтому расследование пришлось прекратить.

Александр стало лучше, и Жильяр приехал за ней. 12 июля 1919 года они отправились в Омск, но оттуда им тоже пришлось как можно скорее уехать, поскольку армии адмирала Колчака не удалось сдержать наступление большевиков.

Пока Александра восстанавливала силы, она не переставала надеяться на то, что в результате предпринятых поисков обнаружится, что девочкам все-таки удалось избежать смерти. Она все еще была слаба, и этот новый срочный отъезд вызвал у нее тревожное волнение, в результате чего она заболела. Помимо полного упадка сил врач обнаружил у нее пневмонию. Теперь уже нужно было не только спрятать ее в безопасном месте, но и заняться лечением. Жильяр доверил ее супруге генерала Дитерихса, начальника штаба адмирала Колчака. Они укрылись в Верхнеудинске (сегодня этот город называется Улан-Удэ), в Забайкалье, в районе, находящемся под контролем японцев.

У баронессы Буксгевден появилась возможность уехать в Токио, а оттуда в Европу. Перед отъездом она предложила Александре отправиться вместе с ней, но та отказалась покидать Россию. Гиббс был принят на службу на китайскую та-

можно, которая находилась под управлением Англии. Так, небольшая группа людей, избежавших гибели, разделилась, и каждый дальше выбрал уже свой путь.

Находясь в состоянии отчаяния, Александра думала и о своей семье, от которой не получала никаких вестей. Но она сама тоже не писала им, чтобы не рисковать их безопасностью. Что она могла сделать одна? Жизнью она была обязана Пьеру и снова могла рассчитывать только на него.

Жильяру больше было нечего делать в России, его миссия была выполнена, и он начал думать о возвращении в Швейцарию. Несмотря на то, что война в Европе была окончена, общая обстановка была все еще нестабильна. К тому же на нем лежала ответственность за Александра, и он даже не думал, что может бросить ее на произвол судьбы. Он знал, что единственным выходом для нее было уехать вместе с ним в Швейцарию. Но как ей это объяснить? Однако его первой заботой было приехать к ней в Верхнеудинск.

Дорога была тяжелой. Жильяр ехал с войсками генерала Жанена⁵⁵, но поезда часто оказывались заблокированными на несколько дней на вокзалах, забитых голодными беженцами, которые умирали прямо на перронах. Приближалась зима, было очень холодно и свирепствовала эпидемия тифа. Обмороженные трупы сбрасывали в реки. Поезд иногда останавливался на небольших станциях, чтобы подобрать несколько выживших людей и запастись углем для локомотива. Им много раз помогали чешские войска, которые также направлялись на восток. 16 декабря 1919 года поезд доехал до Иркутска, затем до озера Байкал и, наконец, дошел до Верхнеудинска.

Жильяр встретил бледную и похудевшую, но почти выздоровевшую Александру. Он объяснил ей, что нужно срочно покинуть Россию, но в ответ получил категорический отказ.

15 января 1920 года генерал Жанен вручил Пьеру Жильяру позолоченную медаль с изображением мечей. Он вы-

⁵⁵ В феврале 1919 г. Жильяр поступил на службу в отдел разведки в штаб генерала Жанена, с которым был знаком с 1915 г., т. е. со времени их совместного пребывания в ставке императора в Могилеве.

разил большое сожаление по поводу того, что «должен расстаться с соратником с первых дней, которого он высоко оценил за эти годы, проведенные как в России, так и в Сибири, за те редкие качества, которые тот проявил и которые могут служить примером для всех».

В итоге Пьеру удалось убедить Александру поехать с ним в Швейцарию, но она попросила дать ей обещание, что она сможет вернуться в Россию, как только появится реальная возможность. Пьер дал ей слово.

В феврале 1920 года они доехали на поезде до границы с Маньчжурией. Под охраной чешских войск, следовавших по тому же маршруту, они добрались до Харбина, где встретили следователя Соколова и генерала Дитерихса, которые были в подавленном состоянии потому, что английское правительство отказалось везти в Европу документы следствия и останки императорской семьи. Жильяр попросил помощи у генерала Жанена, который взял на себя ответственность за вывоз этих вещей, так как уже не мог дожидаться разрешения французского правительства. Трудность заключалась еще и в том, что к поезду надо было пройти через вокзал незамеченными. Соколов, Жильяр, Дитерихс и двое его подчиненных водрузили тяжелые чемоданы на плечи и бегом добрались до вагона генерала Жанена прямо в тот момент, когда их окликнул патруль большевиков. Оказавшись в поезде, они были уже на французской территории, а значит, в безопасности.

Последняя миссия была выполнена, теперь Пьер и Александра держали путь во Владивосток. По прибытии Пьер отправился на французскую базу, где благодаря помощи генерала Жанена ему и Александре разрешили сесть на американское судно, которое прибыло во Владивосток для репатриации чешский войск.

Прежде чем покинуть русскую землю, Александра должна была получить разрешение на въезд в Швейцарию, официальной причиной которого были проблемы со здоровьем. Поэтому в документе от 12 марта 1920 года она указывает, что больна туберкулезом.

Сундук № 6

М. П.

Ст. 2409.

Приложение I.

За правильность сведений, внесенных

по пунктам сего опросного листа, ручаемся.

1) *Коллежский Регистратор
Тихомиров*

(Звание, имя, отчество, фамилия и адрес).

2) *Подарщик
Александр Иванович
Ремизин*

(Звание, имя, отчество, фамилия и адрес).

Примечание 1. Поручители могут быть только русские подданные, постоянно проживающие в России.

Примечание 2. За каждое удостоверение сведений, внесенных в опросные листы, поручители договариваются к аресту на время от трех недель до трех месяцев, или же к заключению в тюрьму на время от двух до четырех месяцев. Если же, однако, данное удостоверение послужило вследствие покупки, то они подвергаются лишь штрафным особенностям, лично и по состоянию присвоенных им прав и привилегиям, и если же, по распоряжению соответствующего отделения по первой степени ст. 31 (по Прод. 1912 г.) Указ. о наказ.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТЪ

А.А. Тешева

(такого-то: имя и отчество обозначить

начальными буквами, а фамилию полностью), выѣзжающаго въ *Швейцарию*

царю

(поименовать государство) через пограничный

пунктъ *Видна-Востокъ*

1. Имя (если таковых несколько, то слѣдуетъ поименовать всѣ).	<i>Александръ</i>
2. Фамилія (сложныя фамиліи выписываются полностью; замужнія, разведенныя и вдовы указываютъ также свои дѣвичьи фамиліи).	<i>Тешева</i>
3. Званіе.	
4. Родъ занятій.	<i>Учительница</i>

К. В. Сер. Гражд. Упр. № 145а.

Там. Кит. Вост. жет. деп. № 1729.

14

5. Ссылание и место приписки.	
6. Точное время и место рождения.	1885 г. 19. Варшава Полтавский уезд
7. Семейное положение (холост или женат, дети, замужем, вдова или разведенная; если есть дети, то их имена и возраст.)	Является
18. Куда именно предлагается выехать за границу.	в Швейцарию
19. Точное указание имен выехавших и перечисление представленных им удостоверяющих документов.	Мессис отн му Бердусера Паспортный указ Книжка № 1093 162
20. Продолжительность поездки.	Непредельная.
21. Если выехавши за границу рожденники, то указать имя и место жительства.	Антон
22. Позвонив за границу на течение последних 3 лет (с точным указанием времени выезда и возвращения, указать переезда через границу, если выехали и продолжительности пребывания в странах иностранных государств).	Не было
23. Позвонив в непосредственно соседних странах и записав их названия.	
<p>Год, месяц, число и собственноручная подпись просителя (в случае неграмотности, опроверженный лист, подписывается и подписывается одним из поручителей).</p> <p>12 марта 1920. Подп. А.А. Кривенко</p>	
имени	Z
зубу	Z
гла и	Варшавы и 5 ^м марта 1920.
члене	Иванов Сели, Тобольск Омск Варшава
за ро- дами, дяде	Александр Кошарь Александр Кошарь В. Кривенко (имя друга)
	Траховская
	Русская
	Русские
	Русские
в изъ- накого	Z

«Опросный лист» – анкета, на основании которой Александра Александровна Теглева получила разрешение покинуть Россию и выехать в Швейцарию.

Анкета была заполнена во Владивостоке 12 марта 1920 г.

(архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета).

В графе «профессия» Александра пишет «учительница», возможно, чтобы избежать каких-либо уточнений относительно ее деятельности на службе у семьи бывшего царя. В документе также указывается, что ее мать еще жива, а значит, Александра могла получать от нее новости.

Полные тревоги Александра и Пьер смогли, наконец, сесть на корабль и покинуть Россию. Вообще-то женщинам было запрещено находиться на борту военного корабля, но ввиду особых обстоятельств капитан дал разрешение, при условии, что Александра будет соблюдать определенные ограничения. Ее верный спутник, дорожный сундук, тоже был погружен на корабль и занял место в каюте капитана, которую тот любезно уступил Александре, а сам расположился на командном пункте. Пьер разместился вместе с офицерами.

Было ли это концом нашего кошмара? Корабль, полный солдат, напомнил мне «Штандарт». Как же все изменилось для меня! За долгие месяцы заключения и скитаний я лучше узнала и стала больше ценить Пьера. Но какая жизнь ждала меня в Швейцарии? Где я буду жить? На что я буду существовать? Я не умела делать ничего, что могло бы меня прокормить. Пьер рассказывал мне о своем отце, братьях, сестрах и уверял меня, что его семья примет меня с распростертыми объятиями. Но все равно мысли о будущем наполняли меня тревогой.

Корабль вышел в открытое море, и впервые за много месяцев я позволила себе расслабиться, качка и шум воды за бортом убаюкали меня. Но все же, даже когда русские берега исчезли из виду, я не переставала думать о возвращении на родину.. Я не могла представить свою жизнь за пределами России. Мне хотелось верить, что мир в моей стране восстановится, и я смогу вернуться туда.

Каким Пьер видел будущее Александры и свое? Планировал ли он уже тогда провести жизнь с ней? Он знал, что шансы Александры вернуться в Россию ничтожно малы. Он знал, что судьба связала их всем тем, что они пережили вместе за долгие годы. Он испытывал глубокое восхищение Александрой, но каковы были его настоящие чувства по отношению к ней? Почему он столько раз спасал ее?

Я никогда не решалась задать настолько личные вопросы дяде Пьеру, но почти уверена, что в тот момент он прекрасно знал свои чувства и видел свое будущее с Александрой. Однако в ее чувствах он сомневался, и ее упорное желание вернуться в Россию не ободряло его. Их путь был достаточно долгим, чтобы они могли подумать и отдохнуть от всех испытаний, которые пережили, хотя грусть и не отступала.

Ни Пьер, ни Александра не сомневались, что путешествие, которое должно было закончиться в Европе, продлится около полугода. Как рассказывал мне дядя Пьер, осадка судна была слишком большой, чтобы оно смогло пройти через Суэцкий канал, поэтому они направились к японским берегам, где остановились на несколько дней из-за небольшой поломки. Затем они взяли курс на Западное побережье Соединенных Штатов. На подходе к Сан-Франциско они узнали, что судну требуется серьезный ремонт. Тогда им пришлось провести несколько недель в лагере для беженцев, так как американцы испытывали недоверие к иностранцам, прибывшим из России.

Это было еще одно нелегкое испытание, особенно для Александры, которая опять оказалась в окружении толпы беженцев, как на мрачных вокзалах Екатеринбурга и Тюмени. Пьер, привыкший к армии, лучше приспособился к новой обстановке. Днем они встречались и старались как можно чаще удаляться от шумной и тесной толпы, которая их окружала.

Наконец они сели на корабль, но уже на другой, и поплыли вдоль Западного побережья, затем проследовали вдоль берегов Центральной Америки до Панамского канала. Гигантские шлюзы канала произвели на дядю Пьера сильное впечатление, и он потом часто рассказывал об этой части их пути. Затем они взяли курс на Гибралтарский пролив, чтобы войти в Средиземное море. Там им осталось обогнуть Сицилию и «итальянский сапог», чтобы добраться до Адриатики и Триеста – конечного пункта прибытия чешских войск. Они высадились там 9 августа 1920 года, то есть через 4 месяца после своего отправления из Владивостока.

Но на этом их путешествие не закончилось. Александра и Пьер должны были еще поехать в Чехословакию, чтобы

оформить необходимые Пьеру документы⁵⁶, а Александре еще нужно было получить разрешение на въезд в швейцарском консульстве в Праге. Но консул сообщил им, что у него нет полномочий выдать такой документ. Пьеру нужно поехать в Швейцарию и обратиться в Берн! Консул предложил ему взять дипломатическую почту, чтобы он смог быстрее вернуться обратно. Поэтому Пьер устроил Александру в гостинице и первым поездом отправился в Швейцарию.

Хлопоты длились больше недели. Пьер с большой радостью встретился с семьей, которую не видел много лет, а также воспользовался случаем, чтобы организовать встречу и жизнь Александры в Швейцарии. Стояло лето, дом во Фье, просторный и уютный, был открыт для всех, и отец Пьера был готов принять в нем новую гостью. После двух недель пребывания дома Пьер наконец вернулся в Прагу с необходимыми документами, а затем уже с Александрой приехал во Фье, где ее красивые голубые глаза и ласковый взгляд очаровали всю семью.

* * *

Прошло уже чуть больше трех лет с момента событий в Екатеринбургe. Александра чувствовала себя немного потерянной в этой незнакомой стране, хотя та улыбалась ей. Очень красивое место у подножия гор Юра, озеро Невшатель, которое было видно вдаль, а в хорошую погоду можно было увидеть еще и заснеженные вершины альпийских гор. Она с интересом наблюдала жизнь на ферме: коровы, которые шли через двор, чтобы попить воды из фонтана; старая кобыла, которая приходила каждый вечер на ферму к Марии⁵⁷ за корочкой хлеба; куры, которые находили себе корм в куче навоза; свиньи, чье хрюканье доносилось из сарая; телеги с благоухающим сеном, возвращающиеся ближе к вечеру и въезжающие через боль-

⁵⁶ Пьер Жильяр получил справку о том, что он прибыл в составе 20-го Чехословацкого транспорта в Триест (Италия) 9 августа 1920 г. (архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета). Он должен был получить в Праге увольнение со службы, так как во Владивостоке числился офицером чешской армии (Жирарден Д. Гувернер Романовых. Paulsen, Москва, 2011, с. 22).

⁵⁷ Жена фермера, который снимал дом около ворот с голубятней в имении семьи Жильяр.

Фамильный дом во Фье со стороны сада и террасы, 1912 г.:
на первом этаже справа, ближе к краю дома
была потом спальня Пьера и Александры (фото из архива автора)

Двор дома во Фье, въездные ворота с голубятней,
слева – фермерский дом (фото из архива автора)

Семья Жильяр в 1930 г. во Фье (фото из архива автора)

Стоят в верхнем ряду (слева направо):
Фредерик Жильяр, Фред Годе (муж Марианн Жильяр),
Робер Жильяр, Мишель Жильяр, Эдмон Жильяр (братья Пьера)

Стоят в центре:
Пьер, Маргарита (супруга Фредерика), Александра (супруга Пьера),
Мария (супруга Робера), Луиза Жильяр (сестра)

На переднем плане сидят:
Мари-Лиз со своей матерью Алисой (супругой Эдмона),
Эсмеральда (супруга Мишеля, отца Мари-Клод) с Мари-Клод на руках,
дедушка Эдмон с Кристиан Годе на руках, Андлу (сестра Мари-Клод),
Антуанетта Годе, Марианн (супруга Фреда Годе) с Франсуазой на руках

шие ворота, над которыми располагалась деревянная голубятня. Отец Пьера занимался огородом, и вся семья была обеспечена овощами. В роще Ламблет⁵⁸ и примыкающем к ней фруктовым саду, где между высокими деревьями текла речка Диаз, собирали богатые урожаи орехов, слив, яблок и груш.

Были еще семьи Эдмона и Робера, старших братьев Пьера, которые приезжали с детьми. Сестра Пьера Луиза, которую звали тетей Лу, строгая, но с добрым сердцем, управляла домом. Будучи окружена таким теплом, думала ли все еще Александра о своем возвращении в Россию?

Зная о недавнем печальном прошлом молодой женщины, отец Пьера относился к ней с большим уважением. Но он был человеком экономным, и поэтому, когда Александра долго мылась в чане⁵⁹, расположенном на кухне, он тихо протестовал. Пьер заставлял его в коридоре, когда тот ходил взад и вперед, смотрел на часы и бормотал: «Ты привез сюда не женщину, а утку!»

Вскоре Пьер возобновил прерванную из-за долгого пребывания в России учебу на филологическом факультете, чтобы получить диплом о высшем образовании и устроиться работать преподавателем. Он усердно занимался с Александрой французским. Она была очень хорошей ученицей и уже вскоре начала говорить по-французски без ошибок, не утратив при этом приятного славянского акцента.

В ноябре, когда дом во Фье закрыли на зиму, отец переехал к своей дочери Марианн в Лозанну. У Александры все еще были проблемы со здоровьем, и по рекомендации врача дядя Пьер отвез ее в Греу-ле-Бэн, курорт с минеральными водами в Верхнем Провансе⁶⁰, где она провела часть зимы. По возвращении она тоже стала жить у Марианн, сестры Пьера.

Пьер потерял все свои сбережения и акции, которые были у него в русских банках. Поэтому, готовясь к защите ди-

⁵⁸ Ламблет – название рощи и фруктового сада, которые находятся недалеко от дома Жильяров во Фье.

⁵⁹ Это широкая ванна в форме кресла; во Фье не было отдельной ванной комнаты. (Прим. автора)

⁶⁰ Старинный курорт, который пользовался известностью еще с античных времен благодаря горячим источникам и хорошему микроклимату (сочетание сосны и лаванды).

плома и ожидая публикации своей книги, он зарабатывал на жизнь тем, что выступал с лекциями о годах, проведенных в России.

В ту же зиму Александра получила известия о своей семье и стала переписываться с сестрой Ольгой и одним из братьев, который жил в Польше. Это усилило ее желание встретиться с семьей и вернуться в Россию.

Я написала брату, умоляя его прислать мне денег, чтобы я смогла вернуться в Россию. Он ответил, что мне следует оставаться в Швейцарии, поскольку условия жизни в России, как и в Польше, крайне суровые. Тогда я написала сестре и спросила, могу ли я приехать пожить к ней. Она ответила, что я не должна даже думать об этом и что мне очень повезло, что я смогла уехать из России. Из-за цензуры она с недомолвками описала мне свои условия жизни, бедность, голод и закончила письмо словами: «Теперь я должна закончить свое письмо, поскольку сегодня моя очередь идти подметать улицу». Я была потрясена. Что это значит? Моя сестра была учительницей, а теперь стала дворником? Я совершенно не могла представить себе того, что происходило в России и, совершенно ничего не понимая и упрямясь, снова написала брату, настаивая на том, чтобы он пригласил меня к себе. Он опять мне ответил, что это невозможно.

Пьер ничего не знал о моих просьбах, и я не хотела ему о них говорить. Но его сестра, заинтригованная моей перепиской, показала ему скомканные черновики писем из моей мусорной корзины для бумаг. Он был потрясен тем, что единственной целью моей переписки с семьей было возвращение в Россию. Он не мог поверить, что я все еще лелею такую безумную мечту... А я в свою очередь считала, что он не понимает меня!

За некоторое время до этого Пьер сделал Александре предложение выйти за него замуж, и она ответила, что подумает. Торопил ли он события? Будучи очень занятым учебой и лекциями, он часто оставлял Александру одну и теперь упрекал себя за это. Он не спешил рассказать ей о том, что знал о ситуации в России, и о том, почему ее брат и сестра отказались помочь ей вернуться в страну, которая теперь не имела ничего общего с той, которую она знала. Он убеждал ее, что она

15 1916
Galland An 10

ÉGLISE RUSSE
à GENÈVE

Ⓢ

Certificat

Je certifie que le mariage religieux _____
de Monsieur Pierre Edouard Gilliard / Suisse /
avec Mlle Alexandra A. Tegleva / Russie /
a été célébré en l'Église Russe de Genève le 3 Octobre 1922

Délivré à Genève sous le sceau de l'Église Russe

Le 3 Octobre 1922

L'Amoignon de l'Église Russe,
André P. Oloff.

Свидетельство о венчании Пьера Жильера и Александры Теглевой
в русской церкви в Женеве 3.10.1922 г.
(архив Пьера Жильера, библиотека Лозаннского университета)

Gislerand Pa 9 15 1916
CONFÉDÉRATION SUISSE
CANTON DE VAUD
79237-43068
Communes de Fiez et
d'Yverdon

Acte d'origine en faveur de:
Gilliard Pierre Basnard

27 octobre 1922.

L'ACTE D'ORIGINE NE POURRA ÊTRE UTILISÉ
PAR LE TITULAIRE POUR L'OBTENTION D'UN
NOUVEAU PASSAPORT QUE ENSEMBLEMENT AVEC
L'ACTE DU PASSAPORT NO 4661 (79237)
ÉTABLI PAR LA PRÉFECTURE DE Genève le 10 mai 1923
EN DATE DU 27 octobre 1922 43068.
du 10 mai 1923
(Suisse)

CONFÉDÉRATION SUISSE
Canton de Vaud

ACTE D'ORIGINE POUR UNE PERSONNE MARIÉE

Nous syndics et municipalités des communes de Fiez et
Yverdon

certifiés habitants de
canton de Vaud, certifions que le porteur du présent
acte Gilliard Pierre Basnard
fils de Basnard André Hirs
né le 16 mai 1889, ainsi que sa femme Ollivierana
née Bigler le 2 mai 1881
sont bourgeois de nos communes, et que nous les reconnaissons dans tous les temps comme
tels. Nous donnons aussi l'assurance positive que le saidit notre conjoint, sa femme
et tous ses enfants nés de mariage légitime restent toujours et dans toutes les circonstances
reçus de nouveau dans nos communes.

En foi de quoi le présent acte d'origine a été signé, scellé et expédié en la forme susdite.
Établi à Fiez le 27 octobre 1922.

Le Syndic, Le Secrétaire,
Léon Kröllfeldt Dr. Cusumani
Établi à Yverdon le 30 octobre 1922.

Le Syndic, Le Secrétaire,
Ch. Lodes

Свидетельство о гражданстве в коммуне Фье Пьера Жильяра и Александры Теглевой. Александра Теглева получила это право в качестве жены Пьера Жильяра, который родился в этой деревне (архив Пьера Жильяра, библиотека Лозаннского университета)